

**QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?****Е. В. Головнева**

Головнёва Елена Валентиновна (Екатеринбург, Россия) — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; Email: golovneva.elena@gmail.com

**СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО
В ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «РЕГИОН»**

В данной статье рассмотрены современные подходы к определению понятия «регион». Отмечается, что в научных исследованиях в последнее время явно обозначается тенденция к усложнению понятия «регион» за счет выделения в его структуре элементов, имеющих субъективный характер. В статье делается вывод о сильной конструктивистской составляющей в онтологическом статусе региона и необходимости учета материального фактора в его характеристике.

Ключевые слова: регион, социальный конструктивизм, материальное, пространство

E.V. Golovneva

Elena Golovneva (Yekaterinburg, Russia) — PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor at the Urals Federal University, Department of Culturology and Design; Email: golovneva.elena@gmail.com

**SOCIAL CONSTRUCTIVISM AND THE MEANING OF MATERIALITY
IN EXPLICATION OF THE TERM “REGION”**

This paper considers the main approaches to the definition of the concept “region”. The scientific research of this term is supposed to reveal the tendency to sophistication of the concept “region” due to the emphasizing the subjective elements in it’s structure. The author concludes about the importance of the ideas of constructivism in the ontological status of region as well as the relevancy of the material factor in the conceptualization of the region.

Key words: region, social constructivism, material, space

Начиная с XIX века и до 1980-х гг., в гуманитарном знании доминировал «реалистиче-ский» подход к регионам, рассматривающий их в качестве «контейнеров», в которых физико-географические и человеческие элементы формируют подобие «естественной» целостности¹. В эпоху модерна доминирующим «контейнером» такого рода являлась территория государства,

¹ Эта концепция региона как вместилища природного и культурного субстрата восходит к концепции пространства немецкого мыслителя К. Риттера и трактуется в субстанциональном смысле.

QUIS HIC LOCUS, QVAE REGIO,
QVAE MUNDI PLAGA?

которая представлялась «естественным вместилищем» для наций» [22, с. 18]. Под регионом понималось важное пространство, необходимое для организации социальной и политической жизни, экономической активности внутри государств.

Такой подход выражал объективистское/эссенциалистское понимание региона, согласно которому, регион рассматривался как территориальное образование, соотносимое с другими, но обладающее своей особенностью. Регионы мыслились как «индивидуальности», имеющие свои отличительные особенности, по аналогии с индивидуальностью человека [25, с. 1229]. В большинстве своем, эссенциалистские трактовки региона акцентируют внимание также на то, что регион складывается естественным образом и зависит от объективных факторов. Тим Кресвелл отмечает, что для эссенциалистски ориентированных исследований региона было типичным выделение в качестве его значимых маркеров почвы и климата, природного, а затем культурного ландшафта, и, наконец, привычек, обычаев и верований» [19, с. 4]. Анси Пааси также говорит о привычности восприятия в научной литературе регионов как эмпирических феноменов, отличающихся друг от друга культурными чертами (диалектом, музыкой, пищей, литературой, фольклором и т.п.) [22, с. 23]. Изоморфизм территориального сообщества, очерченного географическими маркерами, и культуры воспринимается в этом случае как изначально данный и не оспариваемый.

Особенностью ситуации, в которой происходит функционирование регионов в современном мире, является изменение механизма их формирования. Современные дефиниции географических регионов, социальной топологии напрямую связаны с концепциями постколониализма, глобализации и нового понимания пространства, что ставит под сомнение эссенциалистские трактовки. Все явственней в работах современных социальных теоретиков место деэссенциализируется, внимание переключается от статического понятия места как ограниченной территории к более динамичным контекстуально зависимым процессам, сетям социального взаимодействия [См.: 20, 23]. Эти идеи отражают тенденцию перехода в характеристике онтологического статуса региона от эссенциализма (теоретической и философской установки, характеризующейся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств) к исследовательской программе социального конструктивизма (Д. Блур, Б. Латур, С. Вулгар и др).

Социальный конструктивизм — это особый тип конструктивизма, сформировавшийся в рамках социально-гуманитарных наук, ориентированный на идею неотражательной, конструктивной природы познания, опосредованности понимания мира индивидуальными и коллективными конструктами, множественности способов концептуализации объективной реальности. Нельзя утверждать, что согласно социальному конструктивизму, ученые «конструируют миры» в буквальном смысле, подобно тому, как инженеры конструируют машины, а архитекторы дома. Конструктивистский подход в социальных науках ограничивается более слабым тезисом об активном построении образов познаваемых предметов и событий в сознании субъекта, через которые в конечном итоге возможен выход к неким фиксированным структурам реальности, «фактам мира» [15, с. 143].

Концепт «конструкт» определяется как способ истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные схемы, посредством которых субъект познает мир. Теория социального конструктивизма, по П. Бергеру и Т. Лукману, различные конструкты мира связывает, в первую очередь, с внутригрупповым согласием в различных сообществах по поводу того, что считать существующим и значимым, тем самым, подчеркивая социальную природу производства знания о мире. Эта система знаний передается следующему поколению. Оно воспринимает

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

ет ее как объективную истину в ходе социализации, интернализируя таким образом в качестве субъективной реальности. [2, с. 47]. Именно благодаря этому знанию, субъект ощущает себя членом какой-то социальной группы и играет соответствующие социальные роли. В концепции еще одного представителя социального конструктивизма Никласа Лумана само понятие «общество» есть социальный конструкт, происхождение которого нельзя объяснить никак иначе, чем из самого себя. Н. Луман допускает (не без помощи логического круга), что само общество конструируется из отдельных коммуникативных актов, в то время, как коммуникация уже предполагает социальные связи [9]. Реальность в теории социального конструирования перестает восприниматься как нечто заданное какими-то объективными структурами, она анализируется как смысловая конструкция. По выражению Анри Лефевра: «Естественное пространство необратимо утрачено» [7]. Теория социального конструирования придерживается, таким образом, идеи о том, что классификация объектов окружающего мира — это продукт социальных взаимодействий, разного рода коммуникаций, имеющих культурно-исторический характер.

Частной версией процесса социального конструирования является социальное конструирование географического пространства. В данном случае предполагается, что создается пространственная форма не только идеальная, но и реальная, посредством сочетания разработки идей и моделирования / преобразования самой социальной реальности.

Согласно конструктивизму, регион не столько определяет жизнь и деятельность людей, сколько сам оказывается зависимым от представлений о нем. По выражению Эдварда Соджи, «все более и более наши воображаемые карты реального мира кажутся «предшественными» и соединяются скорее, чем просто зеркало или маска, с реальными географиями повседневной жизни» [13, с. 141]. Так, Э. Саид в ставшей уже классической работе «Ориентализм. Западные концепции Востока» [12] отмечает, что укоренившиеся в мире представления о Востоке являются продуктом западного образа мыслей, основанного на его интересах. Фундаментальным для этого дискурса стало воспроизводство системы бинарных оппозиций: Европа/Запад — современные, маскулинные, нормативные, Восток/Orient — отсталый, женственный и «Другой». По Э. Саиду, географическая дифференциация, основанная на выделении «современных» регионов в противовес «отсталым», сформировалась как неотъемлемая часть европейского общественного сознания и обусловила появление соответствующих практик. Исследования американских социальных географов К. Джонсона и А. Коулман дают интересные примеры конструирования внутреннего «Другого» в Италии и Германии XIX века [5]. И. Нойманн применяет конструктивистский подход на процесс создания как макрорегионов (Северная Европа, Центральная Европа), так и применительно к российским случаям, рассмотрев пример Башкортостана, и показывает, что регионы воображаются в соответствии с теми же принципами, что и нации [11]. Таким образом, в современных исследованиях социальные феномены переосмысливаются как когнитивные, а регионы часто выступают рефлексивным проектом и требуют конструирования.

Применительно к регионам использование термина «конструирование» является вполне адекватным, поскольку речь идет о создании внутренне структурированных реально и идеально существующих объектов, функционирование которых осуществляется на основе заложенных при их формировании принципов. Социальное конструирование регионов включает в себя культурные (в том числе, медийные) опосредования и моменты рефлексии и, соответственно, мы можем говорить об определенной конструкции опыта.

Применительно к анализу регионов как пространственных образований конструкти-

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

вистский подход в конце XX века открывает деятельностный горизонт анализа, рассматривая регионы не как статичную данность, а живое явление, творимое, используемое и преобразуемое людьми. Швейцарский исследователь Б. Верлен, основатель так называемой «деятельностно ориентированной социальной географии» интерпретирует пространственные феномены, прежде всего, как пространства деятельности человека, «конструируемые» субъектом деятельности [4, с. 34]. И. Туан в работе «Пространство и место» отмечал, что место является объектом взаимодействия между умственной рефлексией индивида и его телесными ощущениями: «место — это любой существующий предмет, на котором задерживается наше внимание. Когда мы окидываем взглядом какой-либо вид, наши глаза задерживаются на определенных точках, вызывающих интерес. Каждой такой задержки достаточно, чтобы создать образ места в нашем сознании» [27, с. 166]. В свете такого подхода, нет региона и нет границ, фиксируемых безотносительно к наблюдателю, есть определенное значение мест и регионов для тех, кто действует и для тех, кто наблюдает за действующими.

В настоящее время подход к регионам как продуктам социальных отношений связан со стремлением лучше понять практики и дискурсы, связанные с созданием и поддержанием регионов. Анси Пааси специально отмечает, что не регионы как некая данность формируют дискурсы; они «существуют» и «возникают» посредством социальных практик и дискурсов [22, с. 16]. Для целей нашего исследования важно понять взаимодействие дискурса и практик, правил, процедур. Последние определяют, ограничивают и сдерживают применимость дискурса. Дискурс определяет практики, но и практики влияют на дискурс. Анри Лефевр приводит в пример регион Средиземноморья: «Эта сеть, которая включала старейшие торговые связи мира, породившие наши великие города и порты, теперь совершенно преобразилась в пространство отдыха индустриальной Европы. Но совсем недавно через это пространство начали проходить энергетические и сырьевые потоки. Наконец, Средиземноморье стало почти сверхиндустриальным пространством с гигантскими комплексами, построенными на периферии, не только в Фосе, но также в Сагунто и Таранто» [7].

Именно в регионе распространяются конвенции по использованию концептов «регион» и «граница», а зона их действия есть сфера реализации, развертывания дискурса региона. Официальный (политический, академический) дискурс региона противостоит множеству неофициальных дискурсов (формирующихся на уровне обыденного сознания). Немецкие географы Питер Вайххарт и Ганс Блотефогель, например, говорят о регионе как «двойном конструкте»: с одной стороны, регион – это «ментальный конструкт науки», с другой, — «результат человеческих действий и, в этом смысле, исторический и социальный конструкт», или «когнитивные конструкты повседневного мира» [Цит. по: 24, с. 17]. Регионы формируются как системы в процессе развертывания дискурсивных практик, придающих системный характер разнородному субстрату региона. Лук ван Лангенхоув определяет регионы как лингвистическое средство (tool), используемое акторами для того, чтобы рассуждать о географической среде, которая не является государством, но включает в себя некоторые государственные черты [21, с. 25]. В таком контексте понятие «граница» также приобретает конвенциональный статус. Можно указать, например, на существование сильных и слабых границ региона. Сильные — это те, которые указываются многими, прочно зафиксированы в речи и вызывают множество ассоциаций, слабые — те, которые не запоминаются и редко фигурируют в дискурсах.

В рамках социального конструктивизма регион оказывается также «воображаемым сообществом», в котором члены воображаемого коллектива лично не знают друг друга и не взаимодействуют, и, тем не менее, в умах каждого из них живет образ их общности. Автор книги

**QUIS HIC LOCUS, QVAE REGIO,
QVAE MUNDI PLAGA?**

«Воображаемые общества» Б. Андерсон пишет: «все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а может быть, даже и они), — воображаемые. Сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются» [1, с. 31]. Далее Б. Андерсон указывает на значимость средств массовой информации при формировании таких «воображаемых обществ» (его интересуют, в первую очередь, нации).

Можно отметить, что современные образы регионов также репродуцируются, как правило, через средства массовой коммуникации. В современном мире средства массовой информации, вытесняющие традиционный способ общения (свойственный сельской среде, где все участники хорошо знают друг друга) и функционально-ролевой способ коммуникации (свойственный городской среде, где правила коммуникации обусловлены теми социальными ролями, которые играют ее участники), интенсифицируют процесс образования регионов, являются важным источником их конструирования. Эдвард Соджа отмечает, что связь с «топографией компьютерных экранов и видеомониторов» обеспечивает непосредственный язык и образы, необходимые для того, чтобы «передать другим и увидеть самих себя» [13, с. 141]. Так, можно разграничить конвенциональные, общепринятые образы региона, ориентированные, прежде всего, на туристов и часто разделяемые местными жителями и нежелательные, закулисные, которые власти стараются скрыть, а местные жители не замечать. К последним можно отнести места, связанные с напряжением и психологическим дискомфортом, «гетто» иммигрантов, иностранцев, маргиналов.

Таким образом, СМИ — это оперативный и гибкий канал для формирования групповых и массовых представлений, для распространения актуальных идей, образов, стереотипов, в том числе, связанных с регионом. По словам Т. Крессвелл: «Когда мы пишем «Калькутта», «Рио» или, к примеру, «Манчестер», даже те из нас, кто никогда не был в этих местах, имеет о них некоторое представление, ряд смыслов, сформированных посредством фильмов, литературы, рекламы и других средств передачи информации» [19, с. 1]. Данная идея созвучна представлению Кевина Линча о ментальных картах, создаваемых людьми как внутренне связанных и предсказуемых способах понимания окружающего их мира. По мысли К. Линча, мы отмечаем в памяти пути, границы, ареалы, фокальные или доминантные точки, опознаваемые объекты [8, с. 166]. З. Бауман говорит о «прецессии симулякра», совокупной замене реального (мира) его симулятивными представлениями и образами, процессе, к примеру, характерном для таких мест, как Южная Калифорния, где виртуальным образом вся реальность является сейчас реалистичной симуляцией. [18]. Такие образы-конструкты относятся к числу разделяемых (shared) «коллективным сообществом» и они, разумеется, могут отличаться от индивидуального (personal) восприятия. Несмотря на то, что люди легко усваивают коллективно разделяемые образы, все же формируется и свой «личный» образ пространства, который соотносится с повседневностью субъекта. Но именно эти образы-конструкты в конечном итоге руководят нашим поведением и формируют нашу идентичность.

Рассмотрение региона в терминах социального конструктивизма ставит следующий вопрос: насколько в современном глобальном мире регионы могут быть реальными, аутентичными? Что именно стоит за географическими, пространственными образами? Каким образом регионы могут заявлять о себе, учитывая, что в современной культуре они могут появляться и исчезать по воле имиджмейкеров, писателей, правителей и ученых?

В первую очередь, необходимо сделать замечание самого общего характера о том, что «за слоем социальных реалий, сконструированных в качестве мифов и с целью манипуляций,

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

существует слой социальных реалий, составляющих конструкцию самого социального бытия и образующих ткань культуры как среды самосохранения человека в человеческом качестве, а за ним — слой физической объективной реальности» [10, с. 58 — 59]. При таком подходе обращается внимание на то, что наше знание соотносится с онтологической, объективной действительностью и выявляется тенденция к усложнению познаваемых объектов, которые являются не просто отражением объективной реальности, а ее конструктами. В отличие от радикального конструктивизма (Э. фон Глазерфельд, П. Ватцлавик, Х. Ферстер и др.), данная позиция признает, что процесс конструирования требует определенного строительного материала, и конструктивизм не исключает обращения к материальному миру. С другой стороны, реальность выявляется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность. В. С. Степин отмечает: «Мы видим мир сквозь призму определенной системы категорий, их смыслов, продиктованных культурой определенной исторической эпохи, сквозь призму тех реальных практик, в которых мы реально конструируем из исходного материала (предмета деятельности) его новые состояния. Но всегда следует помнить, что конструирование обусловлено законами функционирования и развития объектов, поэтому понятие объективной реальности не утрачивает своего смысла и ценности в современной эпистемологии и теории деятельности» [14, с. 28 — 29]. Поэтому, как утверждает В. А. Лекторский, позиция социального конструкционизма при правильном ее истолковании вполне сочетается с точкой зрения эпистемологического реализма [6, с. 39]. В этой связи, особого внимания заслуживают концепции пространства, учитывающие роль материального в его производстве.

Так, концепция пространства Э. Соджи, опираясь на идеи А. Лефевра, предполагает социально-пространственную диалектику. Соджа отмечает: «источником материалистического объяснения пространственности является признание того, что пространство есть социальный продукт, и, подобно самому обществу, существует как в обеих субстанциях («конкретных пространственностях»), так и в виде некоего набора взаимосвязей между индивидуумами и группами — воплощением и посредниками всей социальной жизни как таковой» [26, с. 120]. В теории пространственность должна существовать как пространство, произведенное социальными силами (*socially produced space*). Пространственность — это часть «второй природы» [26, с. 129]. Дэвид Харви также полагает, что сконструированные пространства обладают материальным, концептуальным и переживаемым измерениями. К материальному измерению он, например, относит стены, мосты, улицы, здания, города; к концептуальному — описание ландшафта, метафоры уединения, местожительство, расположение и позициональность; к переживаемому измерению — чувство безопасности и защищенности, чувство власти от обладания и управления пространством, страх перед другими, которые находятся там, «за забором» [17, с. 23 — 24]. Предостерегая от чрезмерного увлечения реляционным подходом, Д. Харви далее отмечает: «Будучи однажды построенным, место приобретает перманентность (термин Уайтхеда) физической формы. И хотя оно всегда открыто для реконцептуализации значения этой физической формы, так что люди могут научиться переживать его по-разному, лишь материальность конструкции в абсолютном пространстве и времени имеет свой собственный вес и влияние» [17, с. 36].

«Поворот к материальному» в социальной теории пространства характерен также для акторно-сетевой теории. «Территориальные объекты любого типа (например, города, регионы, государства) в рамках акторно-сетевой теории выглядят как существующие, по крайней мере, в двух топологических системах, или двух формах пространственности. Одна из них — это физическое пространство (определяемое как порядок отношений между материальными

**QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?**

ми объектами), вторая — сетевое, или синтаксическое пространство (в котором между материальными и нематериальными объектами поддерживаются отношения, аналогичные отношениям синтаксиса)» [3, с. 27 – 28]. Проблемой является то, как организовать физическое пространство, чтобы оно производило эмоциональный эффект, приводя в соответствие определенные ожидания (коммерческие, а также аффективные и эстетические) касательно того, как это пространство может быть пережито [17, с. 27].

Таким образом, на современном этапе в гуманитарных исследованиях экспликация понятия «регион» может решаться в конструктивистском ключе. В то же время, сторонники «умеренного» конструктивизма признают, что хотя регионы конструируются субъективно, тем не менее, нельзя абстрагироваться от конкретных реалий, маркеров, которые являются материалом для конструирования. Именно материальное является объективной основой социального конструирования. К примеру, то обстоятельство, что гендерная идентичность конструируется, не отменяет того факта, что есть женщины и мужчины, и у них присутствует специфический телесный опыт.

Удачная попытка реализации синтезного подхода, учитывающая объективистские и конструктивистские аспекты, предпринята, в частности, в концепции региона К. Рота. По его мнению, факторы, образующие и определяющие регион, являются одновременно объективными и субъективными, реальными и ментальными. Необходимо принимать во внимание как «реальные качества» данной территории, так и социальные концепты, разворачивающиеся вокруг него [24, с. 21]. Иначе говоря, чтобы стало возможным конструирование региона, должны были сложиться определенные культурные и исторические предпосылки развития данной территории. Таким образом, предлагается модель региона, которая учитывает дополнительную внутренних и внешних детерминант по отношению друг к другу. На основе синтеза объективистского и конструктивистского подхода, К. Рот специфицирует три вида регионов: непосредственно существующие (*given*) регионы, чье существование определено природными и ландшафтными маркерами, культивированные (*grown*) регионы, образованные в результате совокупности нескольких факторов (административного, экономического, этнического и др.), возникших на определенной территории, и регионы сознательно создаваемые (*intentionally formed*), конструируемые в административных целях [24, с. 22 – 23].

Библиография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 286 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
3. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. № 2. 2014. — С. 9 – 38.
4. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география /пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. — С. 26 – 47.
5. Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география / Отв. ред. И.Митин. 2012. Том 1, № 2. — С. 107 – 125.
6. Лекторский В.А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания / Рос. акад. наук, И-т философии; /Отв. ред. В.А. Лекторский. — М.:ИФРАН, 2008. — С. 31 – 42.

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO, QUAE MUNDI PLAGA?

7. Лефевр А. Пространство. Социальный продукт и потребительная стоимость // Социология власти. 2014 (2) / Пер. с англ. А. Новоженовой. [Электр. ресурс] Режим доступа: <http://socoftpower.ane.ru/2-2014-ot-megapolisa-k-geteropolisu/> (дата обращения: 25.12.2014)
8. Линч К. Образ города. — М.: Стройиздат, 1982. — 328 с.
9. Луман Н. Общество как социальная система /Пер. с нем. А.Ю. Антоновский. — М.: Логос, 2004. — 200 с.
10. Мартишина Н.И. Реальность и ее конструирование. — Новосибирск: СГУПС, 2009. — 184 с.
11. Нойманн Й. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. — М.: Новое издательство, 2004. — 336 с.
12. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. — М.: Русский мир, 2006. — 636 с.
13. Сожда Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40). — С. 133 – 150.
14. Степин В. С. Конструктивные основания научной картины мира // Конструктивизм в теории познания / Рос. акад. наук, Ин-т философии /Отв. ред. В. А. Лекторский. — М.:ИФРАН, 2008. — С. 4 – 30.
15. Филатов В. П. Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2009. Т. 20. № 2. — С. 142 – 156.
16. Французские тетради: диалоги и переводы / Отв. ред. и перевод с франц. Е. И Филипповой. — М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. — 244 с.
17. Харви Д. Пространство как ключевое слово // Топос. 2011. № 1. — С. 10 – 38.
18. Bauman Z. Disappearing into Desert // Times Literary Supplement, 1988. December 16 – 22.
19. Cresswell T. Place: A Short Introduction. — Oxford: Blackwell Publishing, 2004. — 153 p.
20. Kaiser R. Borderland spaces of identification and dislocation: Multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian-Russian borderlands / R. Kaiser, E. Nikiforova // Ethnic and Racial Studies. 2006. Vol. 29. No. 5. — Pp. 928 – 958
21. Langenhove Van L. Why we need to ‘unpack’ regions to compare them more effectively // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. 2012. No. 47 (1). — Pp. 16 – 29.
22. Paasi A. Re-visiting the region and regional identity. Theoretical reflections with empirical illustrations // Barndon R., Oye I. and Asbjorn E. jr. (eds). The Archeology of Regional Technologies. — L.: The Edwin Mellen Press, 2010. — P. 15-33.
23. Paasi A. Place and region: regional identity in question // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27. № 4. — P. 475 – 485.
24. Roth K. What`s in Region? Southern European regions between globalization, EU-integration and marginalization // Ethnologia Balcanica. 2007. Vol. 11. — P. 17 – 42.
25. Shearmur R. Innovation, Region and Proximity: From Neo-regionalism to Spatial Analysis // Regional Studies. 2011. 45:9. — Pp. 1225 – 1244.
26. Soja E. Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory. — L.: Verso, 1989. — 228 p.
27. Tuan Y.-F. Space and Place: The perspective of experience. —L.: Edward Arnold, 1977. — 226 p.

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. — М.: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. — 286 s.
2. Berger P., Luckmann T. Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia. — М.: Medium, 1995. — 323 s.
3. Vakhshain V.S. Peresborka goroda: mezhdu iazykom i prostranstvom // Sotsiologiya vlasti. № 2. 2014. — S.

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

9 – 38.

4. Werlen B. Obshchestvo, deistvie i prostranstvo. Al'ternativnaia sotsial'naia geografiia /per. S.P. Ban'kovskoi // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2001. T. 1. № 2. — S. 26 – 47.

5. Johnson C., Coleman A. Vnutrennii "Drugoi": dialekticheskie vzaimosviazi mezhdru konstruirovaniem regional'nykh i natsional'nykh identichnostei // Kul'turnaia i gumanitarnaia geografiia / Otv. red. I.Mitin. 2012. Tom 1, № 2. — С. 107 – 125.

6. Lektorskii V.A. Mozhno li sovместit' konstruktivizm i realizm v epistemologii? // Konstruktivizm v teorii poznaniia / Ros. akad. nauk, I-t filosofii; /Otv. red. V.A. Lektorskii. — М.:IFRAN, 2008. — S. 31 – 42.

7. Lefebvre H. Prostranstvo. Sotsial'nyi produkt i potrebitel'naia stoimost' // Sotsiologiya vlasti. 2014 (2) / Per. s anl. A. Novozhenovoi. [Elektr. resurs] Rezhim dostupa: <http://socofpower.ane.ru/2-2014-ot-megapolisa-k-geteropolisu/> (data obrashcheniia: 25.12.2014)

8. Linch K. Obraz goroda. — М.: Stroizdat, 1982. — 328 с.

9. Luhmann N. Obshchestvo kak sotsial'naia sistema /Per. s nem. A.Iu. Antonovskii. — М.: Logos, 2004. — 200 s.

10. Martishina N.I. Real'nost' i ee konstruirovanie. — Novosibirsk: SGUPS, 2009. — 184 s.

11. Neumann I. Ispol'zovanie "Drugogo". Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei. — М.: Novoe izdatel'stvo, 2004. — 336 с.

12. Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govorunova. — М.: Russkii mir, 2006. — 636 с.

13. Soja E. Postmetropolis. Kriticheskie issledovaniia gorodov i regionov // Logos. 2003. № 6 (40). — С. 133 – 150.

14. Stepin V. S. Konstruktivnye osnovaniia nauchnoi kartiny mira // Konstruktivizm v teorii poznaniia / Ros. akad. nauk, In-t filosofii /Otv. red. V. A. Lektorskii. — М.:IFRAN, 2008. — S. 4 – 30.

15. Filatov V. P. Obsuzhdaem stat'i o konstruktivizme // Epistemologiya i filosofiya nauki: Nauchno-teoreticheskii zhurnal po obshchei metodologii nauki, teorii poznaniia i kognitivnym naukam. 2009. T. 20. № 2. — S. 142 – 156.

16. Frantsuzskie tetradi: dialogi i perevody / Otv. red. i perevod s frants. E. I Filippovoi. — М.: FGNU "Rosinformagrotekh", 2008. — 244 s.

17. Harvey D. Prostranstvo kak kliuchevoe slovo // Topos. 2011. № 1. — С. 10 – 38.

18. Bauman Z. Disappearing into Desert // Times Literary Supplement, 1988. December 16 – 22.

19. Cresswell T. Place: A Short Introduction. — Oxford: Blackwell Publishing, 2004. — 153 p.

20. Kaiser R. Borderland spaces of identification and dislocation: Multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian-Russian borderlands / R. Kaiser, E. Nikiforova // Ethnic and Racial Studies. 2006. Vol. 29. No. 5. — Pp. 928 – 958

21. Langenhove Van L. Why we need to 'unpack' regions to compare them more effectively // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. 2012. No. 47 (1). — Pp. 16 – 29.

22. Paasi A. Re-visiting the region and regional identity. Theoretical reflections with empirical illustrations // Barndon R., Oye I. and Asbjorn E. jr. (eds). The Archeology of Regional Technologies. — L.: The Edwin Mellen Press, 2010. — P. 15-33.

23. Paasi A. Place and region: regional identity in question // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27. № 4. — P. 475 – 485.

24. Roth K. What's in Region? Southern European regions between globalization, EU-integration and marginalization // Ethnologia Balcanica. 2007. Vol. 11. — P. 17 – 42.

25. Shearmur R. Innovation, Region and Proximity: From Neo-regionalism to Spatial Analysis // Regional Studies. 2011. 45:9. — Pp. 1225 – 1244.

26. Soja E. Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory. — L.: Verso, 1989. — 228 p.

27. Tuan Y.-F. Space and Place: The perspective of experience. —L.: Edward Arnold, 1977. — 226 p.